

Фоменко В.Г.

Тюркские эле-
менты в топони-
мике Запорожья.

ИЗВЕСТИЯ
ВСЕСОЮЗНОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

Том 96.

1964

ТЮРКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТОПОНИМИКЕ ЗАПОРОЖЬЯ

Не многие области нашей родины видели на своей земле передвижения стольких народов, сколько их видела земля Запорожья. Почти две тысячи лет — до середины второго тысячелетия нашей эры — на территории, ныне занимаемой Запорожской областью, неоднократно сменялись одни обитавшие здесь народы другими.

«Великое движение народов», поднявшихся из глубин Азии и стремившихся к отдаленным пределам Западной Европы, «к последнему морю», шло преимущественно через Приазовские степи Запорожья, лежавшие прямо на пути переселения этих народов. Долго кочевавшие в степях нынешнего Запорожья народы, преимущественно тюркской языковой группы, оставили память о себе в виде наименований многих рек, могил и урочищ, данных ими частью на языке берендеев — черных клобуков — каракалпаков, частью на половецком языке, весьма близком к современному турецкому ([¹⁰], стр. 92), частью на уйгурском языке, на котором в 1380 г. был написан договор крымских колоний генуезцев с ханом Мамаем ([⁴], стр. 224), а частью и на казахском языке, перенесенном ногайцами из Золотой Орды.

Татаро-монгольские завоеватели Приазовья, уничтожившие прежних обитателей края, естественно, не могли перенять от них ранее применявшиеся там топонимические наименования и дали могилам, рекам, урочищам и долинам свои тюркские названия.

В 1783 г. полупустынные степи Запорожья заняло новое, уже оседлое население. Ногайцы, потомки золотоордынцев, перед выездом в Турцию жили рядом с прапрадедами нынешних жителей многих сел области всего три четверти века, но влияние языка этих кочевников было настолько велико, что и до сега дня более половины речек современной Запорожской области носят тюркские наименования.

Неуклонно возрастающий интерес широких кругов читателей, а особенно краеведов и учителей географии, к вопросу происхождения, значения и причинам возникновения географических наименований побуждает нас предпринять настоящую попытку расшифровки некоторых из этих названий, известных задолго до заселения Запорожья нынешними его обитателями и уже несколько изменившихся за свое многовековое существование.

К таким старинным наименованиям, возникшим в начале второго тысячелетия нашей эры, прежде всего относятся название острова и переправы на Днестре.

Хортица — наименование крупнейшего из днепровских островов, поделившегося своим именем с соседним островком, тремя речками и двумя населенными пунктами, расположенными вблизи него на правом берегу Днестра. Первое из сохранившихся письменных упоминаний о нынешнем острове Хортица приводится в сочиненном византийским императором Константином Багрянородным (905—959) руководстве «Об управлении империей», где он описывал, как проезжающие по Днестру славяне пристают к острову и у росшего на нем огромного дуба приносят жертвы своим богам живыми или там же умерщвленными пернатыми ([¹¹], стр. 216). Причем в разных списках сочинения Багрянородного нынешняя Хортица называется и островом святого Григория, и островом святого Георгия ([²²], стр. 43), и эта двойственность понятна. Ведь Багрянородному, не бывавшему на Днестре, а описывавшему его в Константинополе с чужих слов, было трудно правильно перенести на бумагу чуждые его слуху скифские или славянские наименования, которые он мог узнать от руссов, торговавших с Византией, или даже лично услышать от киевской княгини Ольги, с которой он беседовал в 995 г. ([⁹], стр. 47; [¹¹], стр. 280; [¹⁵], стр. 27). Изучавшие этот вопрос некоторые русские историки прошлого века считали, что нынешняя Хортица раньше именовалась островом Георгия ([¹⁵], стр. 91), другие же писали, что остров был назван по имени просветителя Армении Григория ([⁴], стр. 368).

Берега Днестра против острова еще в III в. н. э. принадлежали скифам-земледельцам ([²²], стр. 227), имевшим недалеко от него большие поселения у нынешних Каменки Днепровской и Благовещенки (где и до сега дня бывают археологические находки скифских предметов), и граница земель которых доходила до предверий Крыма ([⁵], стр. 119).

Так как слово «земледелие» на греческом языке звучит как «георгия», то вполне возможно, что именем святого Георгия нынешняя Хортица стала называться тогда, когда греки-христиане, почитавшие этого святого, уже перестали употреблять в разговорном языке слово «георгия» как наименование племени скифов-земледельцев, ушедших к тому времени с арены истории.

После прихода половцев в южные пределы Руси остров стал называться новым именем, и русская летопись сообщает под 1103 г., что великий князь Святополк Изяславич, отправившись вместе с другими князьями в поход на половцев, «...придоша ниже порог и сташа в протоличе и в Хортичем острове...» ([¹²], стр. 183; [¹⁶], стр. 267).

Очень похожее греческое слово «хортос», означающее огороженное место для выпаса скота, луг, поляну, пастбище ([⁶], стр. 1781), не могло при половцах стать основой наименования острова, к тому же, ранее имевшего другое издавна известное греческое название «Георгия — Григория».

Некоторые исследователи считают, что в основе наименования Хортицы лежит имя иранского бога Солнца — Харшида, якобы ставшего племенным богом киевлян под именем Хорса. Но об этом божестве русские летописи упоминают всего только один раз ([¹³], стр. 324; [¹⁶], стр. 87). Другие же историки выводят название острова от слова «хорт» — от наименования породы охотничьих борзых собак, раньше широко распространенных у жителей юга России. Но эта короткошерстая собака, которая не может существовать в степи с резкими ветрами и буранами без заботящихся о ней людей, не могла дать такого имени острову и потому, что на языках кочевавших там тюркских народов она называется не хорт, а «таз» — «таза».

Наиболее вероятно, что наименование острова произошло от слова «орт» — «орта», которое на языках почти всех народов тюркской языковой группы и на турецком языке, весьма близком к половецкому языку ([¹⁰], стр. 92), означает средний, находящийся на середине чего-нибудь.

Назвав остров, расположенный между двумя почти одинаковыми по ширине потоками Днепра, именем «орта», полудикие кочевники-половцы дали ему достаточно меткое и всем им понятное определение. В свете этого предположения становится более понятным и нам наименование его «Ортинским» в Летописи по Никонову списку ([¹⁸], стр. 272, 296 и 309). Именование же его Хортничим и Хортинским в других летописях, на наш взгляд, могло произойти оттого, что славяне Юга иногда избегают слов, начинающихся на гласную букву «О» и ставят перед ней согласные «Г», «В» или «Х» — горих вместо орех, вивця вместо овца — овцы, вогонь вместо огонь — огонь и т. п.

К и ч к а с — место бывшей переправы через Днепр, известной еще с конца I тысячелетия н. э. под именем Крарийского перевоза, «... где херсониты переправляются на пути из Руси, а печенеги в Херсон...» ([⁹], стр. 9). В начале второго тысячелетия славяне называли эту переправу «Брод у Протолчи», а с приходом в южные степи тюркских народов эта переправа получила наименование Кичкасской, якобы в честь армянского князя Кискасса ([¹], стр. 368).

По мнению автора, наименование бывшей переправы, место которой ныне ушло под воды озера имени В. И. Ленина, произошло от несколько измененного слова «кыскаш» — краткий, короткий ([¹], стр. 294), кратчайший ([²³], стр. 307) или же от слова «кыскач» — тиски, щипцы ([¹⁴], стр. 347). Все значения вышеприведенных слов одинаково подходят для характеристики места переправы, расположенной там, где высокие скалы берегов — «Волчье горло» сжали могучую реку и образовали наименьшую ширину на всем нижнем течении Днепра.

К р ы м — наименование соседнего с Запорожьем черноморского полуострова, который до начала нашей эры назывался Таврикой или Тавридой. Но, после того как татаро-монголы завоевали всю южную часть территории современной Украины, этот полуостров, входивший в самый отдаленный улус Золотой Орды, стал именоваться тюркским именем «кырым» — далекий, дальний ([²], стр. 431). Новое наименование было присвоено полуострову, как можно предполагать, между 1224 и 1475 гг., т. е. в период от битвы у Калки и до подпадения золотоордынского улуса под турецкое влияние.

С и в а ш — озеро у западного берега Утликского лимана в южной части Мелитопольского района имеет илистые, заболоченные берега, которые вполне оправдывают его тюркское наименование — «сивашик» — скользкий, липкий ([¹⁴], стр. 537).

За этими четырьмя наиболее старыми названиями, известными далеко за пределами области, следуют названия рек, урочищ и могил, хоть и имеющих почти такую же давность, но менее знаменитых.

А п а н ы — речка в Приазовском районе, тюркское наименование которой составлено из слов «анлы» — изобилующая дичью ([³], стр. 45) и приставки «ап», усиливающей значение слов, начинающихся на «а» ([³], стр. 46).

Выводить наименование Апаналы, одной из двух рядом протекающих и воедино сливающихся речек, от слова «апай» — старшая сестра, по нашему мнению, ошибочно, так как ни одна из речек Запорожья не названа по признакам какого-либо родства, а также потому, что недалеко от Апаналы протекает и другая речка, названная именем дикого животного, которое также являлось объектом охоты.

Д о м у з ы — речка в Приазовском районе, тюркское наименование которой произошло от слова «домузы» — дикий кабан, вепрь ([¹⁴], стр. 152). Болотистые берега этой речки могли служить местом обитания диких свиней. В настоящее время устье Домузы, перекрытое песчаной перемычкой, намытой волнами моря, еще более заболачивается.

М е н ч е к у р — долина в Михайловском районе, которую огibal дугой старинный «битый шлях» — дорога от кичкасской переправы к Перекопу. Наименование этой долины, через которую не было прямого проезда, произошло от тюркских слов «мен» — препятствие, помеха ([¹⁴], стр. 404) и «чукур» — яма, впадина, овраг ([¹⁴], стр. 126).

С а в у р — одна из наиболее высоких могил в северной части Токмацкого района. Тюркское слово «саур» — «саур», означающее круп лошадь, применяется и как наименование сглаженных вершин округлой формы, похожих на круп лошади ([⁸], стр. 32). Вместе с аффиксом «мак», образующим имя действия, это слово — «савурмак» обозначает пускание дыма или размахивание саблей ([¹⁴], стр. 522). Таким образом, наименование этой могилы указывает не только на ее форму, но определяет и ее назначение, как места подачи зрительных сигналов.

У т л ю к — название двух рек в Мелитопольском районе и большого лимана, образованного косою Федотова. Основой этого наименования послужило тюркское слово «отлы» — богатый травами ([²], стр. 502) или же слово «отлюк» — луг, выгон для скота и места, поросшие травой ([¹⁴], стр. 466).

В районе этого лимана в конце первого тысячелетия нашей эры находилось крупное поселение, называвшееся Матлука ([⁴], стр. 144 и [⁵], стр. 114) — очень похоже на «утлюк».

Г а й ч у л — речка в Пологском районе, наименование которой состоит из двух тюркских слов, но так как последнее из них «чул» — «чёл» означает степь ([²³], стр. 828), можно утверждать, что эта речка получила свое наименование по местности от степи. Первое слово названия речки входило и в название местности, которую занимала Кальмиусская паланка запорожцев на многотравных берегах Берды у восточной границы Ногайской степи. Кочевники называли тот район «гай-гат» ([¹⁹], стр. 23) («гат» — «хат» — линия, черта, граница).

Находящееся в начале наименования речки слово «гай» могло произойти из слова «хай» — свободно, легко ([¹⁴], стр. 239) или же от слова «гани» — полный, обильный ([¹⁴], стр. 198).

Между прочим в начале нашего века старые жители окрестных сел эту речку иногда называли «ганчула».

Я н ч у л — речка в Пологском районе, протекавшая на границе какой-то степи, ранее известной бывшим обитателям тех мест, и в связи с этим получившая наименование от слова «ян» — сбоку, рядом, за или около ([¹⁴], стр. 663) и слова «чул» — «чёл» — степь. Янчул протекает за Гайчулом с внешней от Крыма стороны.

К а р а ч о к р а к — одна из пяти рек Запорожья (Акчокрак, Бегимчокрак, Майчокрак, Карачокрак и Янчокрак), в наименование которых входит тюркское слово «чокрак», означающее живую, здоровую воду ([²⁰], стр. 274).

Подобно русскому слову «черный» в таких понятиях, как «черный народ» и «черная работа», тюркское слово «кара» также показывает зависимость, подневольность, подвластность ([⁷], стр. 454). В этом смысле слово «кара» и входит в первую половину разбираемого нами наименования речки. Карачокрак имел совсем не черную, но, наоборот, очень прозрачную воду, так как он питался не за счет свободного стока с поверхности, а от многих родников, выходящих из-под земли, и как бы держал их в неволе.

Но не исключена возможность, что в наименование одного или нескольких «чокраков» Запорожья входило и слово «чикра», означавшее густой кустарник ([¹⁴], стр. 122). В безлесной степной местности заросли кустарника были более заметными и более запоминающимися ориентирами, чем небольшие источники воды, пересыхавшие в жаркое время. А о больших зарослях черного кустарника — терновника в районе истоков Карачокрака упоминают путевые записки стольника Василия Тяпкина, проходившего там с посольством в 1680 г. ([¹⁷], стр. 96). Заросли терновника над этой речкой были и в начале нашего столетия.

Я н ч о к р а к — речка в Васильевском районе, само наименование которой показывает, что она находилась где-то сбоку, рядом или за ранее известным Чокраком, а Янчокрак как раз и протекает почти рядом с речкой Карачокраком с противоположной от Крыма стороны.

О б и т о ч н а я — река на юго-востоке Запорожья, протекающая в районе нескольких реликтовых останцев приазовского кристаллического массива. Имеются предположения, что это наименование реки произошло от якобы некогда бывшего на ее берегах христианского монастыря — обители (река Обительная) или же оттого, что она когда-то текла будто бы в двух направлениях (речка Обетейная), но оба эти варианта не выдерживают серьезной критики.

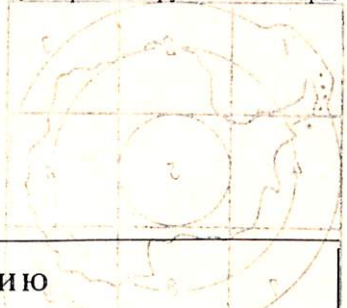
Эта река до присоединения Приазовских степей к России (до 1783 г.) была известна под именем Джаналгыш или Джаналгаш. Такое название могло произойти от тюркского слова «жанылгыш» — путающаяся ([³], стр. 227), что вполне соответствует крайней извилистости ее русла. Но могло быть, что находки в оползнях берега Азовского моря вблизи устья реки Обиточной скелетов и крупных костей южных слонов встречались там и несколько столетий раньше, а это могло дать основание назвать реку именем «жаналгыш» — страшилище ([³], стр. 225).

Свое теперешнее наименование река Обиточная, по мнению автора, получила по имени реликтового кристаллического останца, близ которого находятся ее истоки. Ногайцы, переведенные около 1800 г. из Кизлярских степей в Приазовье, называли этот останец Оба-ташем («оба» — холм, курган и «таш» — камень). Переведя на русский язык название «оба-таш» как Каменная могила, первые русские поселенцы тех мест стали называть текущую от нее реку старым именем сопки — Обаташная, Обиточная и, наконец, Обиточная.

Л и т е р а т у р а

- [1] Баскаков Н. А. Русско-каракалпакский словарь. М., 1947. — [2] Баскаков Н. А. Каракалпакско-русский словарь. М., 1958. — [3] Брун Ф. Черноморье. Сб. исслед. по истор. геогр. Южной России, ч. 1. Одесса, 1879. — [4] Брун Ф. Черноморье. Сб. исслед. по истор. геогр. Южной России, ч. 2. Одесса, 1880. — [5] Бурачков П. О. О местоположении древнего города Карканитеса. Зап. Одесск. общ.

ист. и древн., т. 9. Одесса, 1875.— [6] Дворецкий И. X. Древнегреческо-русский словарь, т. 2. М., 1958.— [7] Исторические песни, касающиеся событий Новороссийского края. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., том 9. Одесса, 1875.— [8] Конкашпаев Г. К. Казахские народные географические термины. Изв. АН Каз. ССР, серия геогр., в. 3, Алма-Ата, 1951.— [9] Константин Багрянородный. Об управлении империей. Изв. Гос. Акад. мат. культ., вып. 91, Л., 1934.— [10] Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948.— [11] Лерберг А. X. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. Перевод Д. Языкова. СПб., 1819.— [12] Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871.— [13] Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку, ч. 2. М., 1950.— [14] Магазиник Д. А. Турецко-русский словарь. М., 1945.— [15] Макушев В. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861.— [16] «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку. СПб., 1871.— [17] Русов А. А. Русские тракты в конце XVII и начале XVIII вв. и некоторые данные о Днепре из атласа прошлого столетия. Киев, 1876.— [18] Русская летопись по Никоновому списку. СПб., 1891.— [19] Скальковский А. Об устройстве торгового порта на Азовском море. Новороссийский календарь 1871.— [20] Спасский Г. Геническ и Арабатская стрелка. Зап. Одесск. общ. ист. древн., т. 2. Одесса, 1848.— [21] Эварницкий Д. И. Остров Хортица на Днепре. Киевская старина, январь, 1886.— [22] Энциклопедический словарь, т. 3. М., 1955.— [23] Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1940.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый товарищ редактор! В четвертом выпуске «Географического сборника» Украинского географического общества при АН УССР помещена статья П. С. Погребняка «К палеонтологии Олешья». Такой заголовок предполагает, что местонахождение древнего Олешья будто бы твердо установлено и не вызывает никаких сомнений. Но оказывается, что наименование летописного Олешья приведено в данной статье только для замены якобы устаревшего названия Алешкинских песков на том основании, что в слове «Алешкинские» — первый звук А «случайно фонетичный» и он поэтому «заменен первичным О». И по этой «причине» древнерусское название Олешье стало обозначать только Алешкинские пески.

Как явствует из примечания к статье, такое нововведение, оказывается, было освящено решением Ученого совета Института леса АН УССР на выездном заседании совместно с работниками лесхозов Алешек еще в октябре 1955 г.

Можно ли допустить такое произвольное присвоение другим объектам наименований, которые давно стали достоянием истории всей Руси? На этот вопрос возможен только отрицательный ответ. Ведь еще никто до сих пор не установил: было ли Олешье укрепленным городом или это было только урочище? Были ли там постоянное население и большие здания? А самое главное, до сих пор неясно, где же было Олешье?

Такое произвольное изменение географических названий способно только окончательно запутать решение этих интересных для истории вопросов.

Действительный член Географического общества

В. Г. Фоменко